

Рассматривая основание культуры ведения научных споров, можно отнести к нему три ценностных принципа: принцип равной безопасности, принцип децентрической направленности и принцип адекватности. *Принцип равной безопасности* запрещает использовать оскорбительные и унижающие собеседников выпады. *Принцип децентрической направленности* рассчитан на умение участников научных споров рассматривать и анализировать проблемы с позиции другой стороны. *Принцип адекватности* предполагает, что участники научного спора воспринимают то, о чем говорится.

1. Поппер К. Что такое диалектика // *Вопр. философии*. 1995. № 1.
2. Блажевич Н. В., Селиванов Ф. А. Эристика: Курс лекций. Тюмень, 1999.
3. Марченко О. И. Риторика как норма гуманитарной культуры. М., 1994.
4. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. М., 1991.
5. Логика и риторика: Хрестоматия / Сост.: В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич. Минск, 1997.

Н. Г. Баранец
г. Ульяновск

ОБ ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КРЕАТИВНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ СООБЩЕСТВЕ В РОССИИ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ*

На рубеже XIX—XX веков философия стала в России полноценной университетской дисциплиной. С уменьшением государственного контроля в системе образования и стабилизацией профессии преподавателя философии произошла когнитивная и социальная институционализация философского сообщества. Осознание философским сообществом себя как самостоятельного феномена в университетской корпорации катализировало дискуссии о требованиях, которым должно соответствовать профессиональное философское творчество, о стандартах, которым должно подчиняться философское произведение.

Университетская философия является своеобразным «гибридом», более научным, чем философским, поэтому на уровне креативного отношения от философа требуется наличие когнитивной задачи, а на уровне креативного результата оценивается оригинальность, полезность и эвристичность философской концепции. Но именно в том, как понимается, трактуется оригинальность, полезность, эвристичность, и проявляется отличие философской креативности от научной.

Можно объективно определить содержательную новизну философского произведения, т. е. оригинальность сформулированных идей, но оценить его эвристичность, культурный резонанс и историческую востребованность весьма трудно. Причем оценка значимости результатов креативности философа достаточно условна. Во-первых, большое значение имеет «авторитетность» его идей, оцениваемая по количеству сторонников, преемников, последователей, по числу оппонентов и критиков, по цитируемости его произведений. Во-вторых, «историческая востребованность» может меняться, и сравнить значение «философа-последователя», имеющего философскую школу, с «философом — основоположником новой философской парадигмы», не имеющим учеников, но катализировавшим философские идеи нескольких поколений мыслителей, весьма проблематично. Поэтому историческая значимость результатов творчества философа может существенно отличаться от оценки его концепции современниками. Так, осознавая это отличие, на рубеже веков философское сообщество выработало критерии, позволявшие оценить качество философской системы. Помимо аргументированности изложения в философской работе оценивались ее репрезентативность (возникающая из знания автором философской традиции), критичность (проявлялась в умении анализировать современный философский контекст), оригинальность (новизна) концепции, последовательность изложения (формальная целостность архитектоники текста).

Университетские философы осознавали, что оценить репрезентативность философской концепции, дистанцировавшись от ее содержания, невозможно, что концептуальная оценка всегда субъективна, ведь рецензент имеет философскую позицию, вероятнее всего, существенно отличающуюся от позиции рецензируемого. Поэтому для кантрианца А. И. Введенского не была убедительной концепция С. Н. Трубецкого, исходившего из метафизических постулатов, но он не отрицал респектабельности работ С. Н. Трубецкого. Интересный пример в этом отношении дает защита докторской диссертации Н. Я. Гротом. По мнению оппонентов, его работа «К вопросу о реформе логики» содержала мало новых идей и была только квалификационной. Поэтому А. А. Козлов, кстати, симпатизировавший Н. Я. Гроту, сказал на защите так: «Я не буду препятствовать Вам получить докторский диплом: Вы имеете на него право, доказав свою эрудицию. В печати же я докажу Вам, что в вашей «Реформе логики» совсем нет логики. И что Вы, быть может, прекрасный психолог или какой-то другой специалист, но что философ никакой» [1].

О необходимости различать респектабельность и концептуальность, с которой можно не соглашаться, заявляли редакторы философских журналов, озвучивавшие концепцию редколлегий, члены которых составляли цвет отечественного философского сообщества. В 1891 г. Н. Я. Грот писал: «Мы требуем только, чтобы присылаемые статьи обнаруживали критическое знакомство с историей науки и философии и способность авторов к строгой логической работе мышления» [2]. В 1911 г. С. И. Гессен фактически повторил: «...нужно только, чтобы статья удовлетворяла требованиям философской критики» [3].

Можно предположить, что если редакции журналов считали необходимым заявить об этом критерии оценки философской креативности, то мы имеем дело со «становящейся» нормой, тем более что ее реализация в жизни философского сообщества прослеживается по материалам рецензий. Б. Н. Чичерин специально оговорил, что философии следует взять из других наук, чтобы она обрела респектабельность: «От математики философ должен научиться строгой точности мыслей, ясности определений и осторожности в выводах, которые никогда не должны идти далее того, что дается посылками. От естествознания он должен научиться внимательному обхождению с фактами, всестороннему их исследованию, точной оценке достоверности» [4]. Но большинство университетских философов не пытались сциентизировать критерий респектабельности, полагая, что он вырастает из профессионализма философа, знающего прежде всего философскую традицию.

Относительно приоритетности критерия оригинальности или критерия критичности представители метафизического и трансцендентального идеализма расходились: первые предпочитали оригинальность, вторые — критичность. Для метафизических идеалистов оригинальность философской концепции определялась не новизной предлагаемых идей, а наличием в ней «глубины, искренности, неподкупного философского интереса и широтой замысла» [5]. Неокантианцы исходили из того, что «...философы — скептики по профессии; ибо для них сомнение служит приемом для анализа мыслей; оно для них то же, что эксперимент для химика» [6]. Философу не следует пытаться созидать что-то новое, оригинальное, ему необходимо начинать с критики, сомнения в своей философской позиции, потому что тогда он отдаст отчет в своих познавательных силах и правомочиях, следовательно, наличие рефлексивного критицизма является важным моментом оценки философской системы.

По-видимому, столкновение регулирующих креативность норм оригинальности и организованного скептицизма, действие кото-

рых рассматривалось как «или или», а не «и та и другая», объясняется принципиальным расхождением понимания образа философии метафизическими и трансцендентальными идеалистами. Следовательно, концептуальные позиции сдерживали регулирующее значение этих норм.

Достаточно много внимания в рецензиях уделялось анализу внешних характеристик философских работ: композиционной организации, стилистике дискурса, соответствию формы изложения принятым жанровым стандартам. Суммируя требования к тексту, высказывавшиеся в рецензиях А. И. Введенского, Н. Я. Грота, В. Н. Ивановского, Л. М. Лопатина, Ф. А. Степуна, Г. И. Челпанова, Б. В. Яковенко и др., перечислим, что считалось необходимым соблюдением при оформлении философского произведения. Требовалась композиционная четкость и содержательное раскрытие заявленных задач, ясность выводов и завершенность рубрик; содержательная определенность используемых понятий, уместность их употребления, тщательность подбора и проверка цитат; определенность их интерпретации. Кроме того, к каждому из жанров профессиональной философской литературы предъявлялись свои требования.

Монографии представляемых к защите диссертаций выполнялись наиболее тщательно с соблюдением всех предписаний, предъявляемых к этому жанру. В рецензиях оценивались аргументированность, репрезентативность, философичность концепции, отмечалось соответствие принятой композиционной форме (деление на главы, приложение, комментарии), анализировалось, удалось ли автору добиться нейтральности, безличности стиля изложения (предпочтение отдавалось конструктивно-инструментальной форме дискурса). В историко-философских монографиях также оценивались знание автором источников и критика теорий по исследуемой проблеме, адекватность вводимого материала и приемлемость его интерпретации. В биографических монографиях требовалось воспроизведение эстетически целостного портрета мыслителя, поэтому оценивалось, удалось ли автору сочетать метод художественного описания с научным анализом, интерпретацией творчества героя книги. Наибольшая самостоятельность формы разрешалась в монографиях-трактатах, от которых прежде всего требовалась оригинальность излагаемых идей и качественность аргументации.

Наибольшее распространение среди профессиональных жанров имели статьи, которые за счет небольшого печатного объема, открывали возможность быстрого обмена идеями, и их было легче опубликовать, чем монографии. Требования к концептуальным, историко-философским, информативно-аналитическим статьям не от-

личались от требований, предъявляемых к монографии. Следует отметить, что в полемических статьях (рецензии, ответы на рецензии, «вызовы» оппонентам и т. п.), сохранявших связь с устным спором, допускались эмоционально-психологические способы аргументации, отступление от конструктивно-инструментального дискурса за счет аффектных, драматических стилистических приемов. Так как целью полемических статей было не столько убеждение оппонента, сколько «завоевание» читателей и убеждение их в своей правоте, то именно в этих статьях авторы чаще всего преступали нормы научного спора и отступали от стандартов научной статьи.

Особые критерии предъявлялись к учебным пособиям («Введение в философию», «Основы философии»), которые являлись либо нейтральной (со скрытой авторской позицией) компиляцией из европейских учебных пособий справочного характера, либо авторским учебником, составленным по материалам читаемых автором курсов. И в тех, и в других ценились ясность стиля, композиционная целостность, информативность, системность изложения. Только после 1900—1905 гг. в учебных пособиях появились предметные и именные указатели, вопросники, библиография к каждому разделу (образцовым в это отношении было «Введение в философию» Г. И. Челпанова). В авторских учебниках прежде всего оценивалась оригинальность, новизна подхода, но отношение к этим учебникам было настороженным (пример этого — критические рецензии на «Введение в философию: Введение в теорию знания» Н. О. Лосского).

Очевидно, что в философском сообществе рубежа веков вырабатался набор требований к основным профессиональным жанровым формам и уделялось достаточно внимания правилам оформления результатов философской креативности. Это подтверждает идею о том, что этос философии сформировался в своих основных нормах и правилах и успешно регулировал креативность большинства членов философского сообщества, но многочисленные дискуссии, возникавшие по поводу применения этих норм и стандартов, указывают на то, что этос философии в них продолжал формироваться.

Грант РГНФ № 03-03-00350.

1. Ивановский В. Н. Очерк жизни и деятельности Н. Я. Грота // Вопр. философии и психологии. 1900. Кн. 51. С. 23.

2. Грот Н. Я. Еще раз о задачах журнала // Там же. 1891. Кн. 6. С. II.

3. Гессен С. И. Письмо к Э. Метнеру // Вестн. Рос. акад. наук. 1993. Т. 63, № 6. С. 527.

4. Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки // Вopr. философии и психологии. 1892. Кн. 13. С. 13.
5. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. 1995. № 5. С. 15.
6. Введенский А. И. Статьи по философии. СПб., 1996. С. 132.

Т. А. Савина
г. Екатеринбург

ОБОСНОВАНИЕ АНТИСЦИЕНТИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Один из наиболее глубоких и оригинальных мыслителей XX века, сторошник «философии абсурда» и «философии трагедии», наиболее откровенно обнаживший основной пафос и направленность экзистенциальной философии, Л. И. Шестов не оставил никакой систематически связанной, дискурсивной теоретической конструкции, содержащей ярко выраженное гносеологическое, онтологическое и другие традиционные философские учения. Однако за эмоциональным пафосом его умонастроений и тревог просматриваются многие волнующие человечество вопросы: свободы и необходимости, знания и веры, добра и зла, смысла жизни.

Человек, по Л. Шестову, существует в двух измерениях бытия: в обыденности и в дерзновении свободы и творчества. Существование в обыденности для Шестова есть существование среди припудренных и общеобязательных истин науки и морали. Фундаментальная трудность на пути достижения свободы индивидуального существования, «дерзновения» и «творческого усмотрения», по Шестову, «состоит не в болезни бытия, ложно направленной свободе или объективации духа, а во «власти идей», принципиально неправильном, выражающемся в знании отношении к себе и окружающей нас действительности, в самом познании, разуме и логике как тотальных, по одномерных и в итоге несостоятельных способах существования идей» [1].

С антисциентистских позиций рассматривает Л. Шестов библейский миф о грехопадении. Обычно, как считает Шестов, грехопадение понимают как неповиновение Богу и как увлечение плотским соблазном. Но никто не хотел и не мог допустить, что корень греха в познании, и что умение различать добро и зло есть падение и притом самое страшное и пагубное, какое только может себе вообразить человек. Смысл грехопадения в том, что человек, поддавшись искушению Змея (Ничто) и вкусив запретных плодов с древа познания добра и зла, стал знающим. Но оказалось, «что